

**ЛОШИЦА ПОД РУКОЙ ПОСЛЕДНЕГО ПРУШИНСКОГО.
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА**

**LOSHITSA UNDER THE INFLUENCE
OF THE LAST PRUSHINSKY.
THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Н. М. Новикова

N. M. Novikova

Минск, Республика Беларусь

Minsk, Republic of Belarus

e-mail: dedal39@mail.ru

После присоединения к России социально-экономическое развитие Беларуси захватил процесс разложения феодально-крепостнических отношений. Всё активнее проявлялись новые, капиталистические формы хозяйствования, к тому же сказывалось влияние польского национально-освободительного движения. В статье говорится о жизни и выживании Лошицкого имения и его владельцев в российской хозяйственной и политической системе этого периода.

Ключевые слова: Евстафий Прушинский; эксдивизорский суд; вотчина; национально-освободительное движение; крепостная зависимость; капиталистические отношения; Российская империя.

After joining Russia, the social and economic development of Belarus was captured by the process of decomposition of feudal-serf relations. New capitalist forms of management were becoming more and more active, and the influence of the Polish national liberation movement was also affected. The article talks about the life and survival of the Loshitsa estate and its owners in the Russian economic and political system of this period.

Keywords: Eustathius Prushinsky; ex-divizor court; fiefdom; national liberation movement; serfdom; capitalist relations; Russian Empire.

По окончании войны с Наполеоном Александр I, желая примириться с аристократией западного региона и преодолеть раскол общества, вызванный войной, издал манифест, которым объявил всеобщую и безусловную амнистию польской и белоруско-литовской шляхте, воевавшей на стороне противника. Более того, повелел «...имения или имущества их, по сему случаю конфискованные или иным каким образом под над-

зор взятые и по сие время удерживаемые, по прежнему владельцам их возвратить, и все следствия над ними пресечь, и никаких притязаний к ним не делать... в надежде, что сие... приведет их в полезное для них раскаяние» [1].

Конфискованные имения вернулись к бывшим владельцам. Те, кто сотрудничал с наполеоновской администрацией, сохранили свое положение и даже получили повышение по службе. Среди них – царский чиновник, а затем член временного наполеоновского правительства ВКЛ Викентий Иванович Гецевич, в 1818 году ставший минским губернатором, впоследствии – сенатор и тайный советник. (Для нас он представляет особый интерес).

Однако надежда императора на «полезное раскаяние» не оправдалась. Хотя польская армия в июле 1815 года принесла Александру присягу на верность, жители бывшего ВКЛ не могли смириться с утратой независимости. Одно за другим возникали оппозиционно настроенные тайные общества (преимущественно среди студенчества и гимназистов). Царские власти отвечали репрессиями, усилили охранно-полицейские меры в отношении учебных заведений и цензуру периодической печати.

Стремясь «разбавить» местный шляхетский элемент, правительство щедро наделяло русских дворян белорусскими землями. Тем не менее, в белорусских уездах преобладало землевладение местной шляхты. Русские помещики в новоприобретённых владениях не жили, предпочитали оставаться при должностях в России, а имения сдавали в аренду. Поэтому к исполнению разных административных и судебных функций власти привлекали местных помещиков, возводя их в ранг государственных чиновников. А так как доверия не было, у них стали брать подписку о благонадежности и непринадлежности к тайным обществам. Но погасить оппозиционные настроения не удавалось.

Евстафию Прушинскому, владельцу Лошицкого имения, в сентябре 1820 года чуть больше двадцати, и национально-освободительные идеи, несомненно, находят в его душе живой отклик. Но, несмотря на молодость и пылкое сердце, ему не до политики. Совсем недавно, завершив своё образование и вернувшись домой, он похоронил мать. Простившись после похорон с родными – брат и сестра покинули Лошицу, у каждого из них своя жизнь, – Евстафий погрузился в заботы о вотчине, пребывающей в предсмертном состоянии. Кроме того, местное общество оказало ему доверие: «по выборам дворянства» образованный молодой помещик немедленно был привлечён к службе –

«депутатом от дворянства по Минскому уезду для раскладки земских повинностей» [2, л.1об–4]. От таких поручений не полагалось отказываться, почти все польские помещики занимали разные должности в повете.

Для спасения вотчины было избрано старое испытанное средство несостоятельных должников, прописанное в Статуте ВКЛ 1588 года, – эксдивизия, то есть раздел части имения между кредиторами, которые стали настойчиво требовать «уплаты занятых капиталов». И наследники Прушинские, Евстафий, Прот Феликс и Станислава, обратились во 2й департамент Минского Главного суда с ходатайством о проведении таксации (оценки) их недвижимого имущества, повинностей крестьян и других доходов и рассмотрения претензий кредиторов для исчисления долей, которые предполагалось отдать им во временное держание под определённые проценты (как правило, 5–7%) с правом выкупа.

Таксаторско-эксдивизорский суд в Лошице состоялся в апреле 1822 года и разобрал 27 претензий [3, л.9–33об]. К оплате было предъявлено множество векселей на разные суммы. Согласно произведённому учёту, Лошицкому имению принадлежали деревни Лошица, Корзюки, Старая Церковь, фольварк Обчак с деревнями Обчак, Стиклево и Коледичи, фольварки Новый Двор, Мерлев, Замосточье и Николаев. Были учтены все землевладения должника «со всеми взлеглостями» и лесами, «с корчмами – при дворе Лошицком, в Серебрянке, Березянке и в Корзюках, с полетками дворными, с млыном старым и новым, ... со всеми строениями и прибытками». Все, кроме фольварка Николаев, что по соседству с деревней Корзюки. Это владение родитель должника, подкоморий Прушинский, «заставно-пожизненным правом, выданным 8 февраля 1810 года, отдал гувернёру Николаю Пидоту... в посессию за 500 рублей». А с ним – округ земли с сенокосами, лежащий за деревней Корзюки, который включал, «согласно обмеру коморника Бобровича, 3 влоки, 6 моргов, 200 прентов». Но вдовствующая подкоморина Прушинская 24 мая 1818 года выплатила Николаю Пидоту эту сумму и завещала фольварк Николаев с деревней Корзюки старшему сыну Евстафию. А потому эту часть имения из конкурса исключили как не входящую в общий капитал [3, л. 31об].

В деревне Обчак было 22 крестьянских двора, по 8 – в Старой Церкви и Стиклеве, 8 хат было и в Лошице, 16 – в Корзюках, 18 – в Коледичах. Всё учтено и посчитано: земля под «забудованием дворным», под садами и огородами, под цветниками и парниками, грунты «оромые» и «неоро-

мые», сенокосы мурожные и болотные, заросли грунтовые и сенокосные, сосновый лес и «заросшие горы над Свислочью».

Годовой доход деревни Лошицы оценён в 2 978 рублей 20 копеек и 32/60 копейки; Обчака – 1 352 рубля 34 копейки 56/60 копейки; Стиклева – 1 480 рублей 92 копейки 29/60 копейки. Общий доход с этих поселений составил 5 811 рублей 47 копеек 57/60 копейки, а общая оценка владений выразилась в сумме 99 736 рублей 97 копеек. Капитал был не так уж велик, поэтому эксдивизорский суд не счел возможным отчислять в пользу кредиторов семь процентов, а остановился на пяти [3, л.34–36об].

Окончательное решение объявили 27 апреля 1822 года. На уплату долгов пошли фольварк Обчак (самый свободный от всяких эвикций) с деревней Стиклево, «при коих числилось 111 душ», и другие владения [4, л. 49об]. Кредиторам досталась также «корчма Лях со строениями, что на гостинце почтовом из Минска в Бобруйск». Наследникам эксдивизорский суд оставил «при отчинном владении их Лошицу с деревнями Лошица, Коледичи, Корзюки, всего сто семьдесят восемь душ» [3, л.20].

Теперь трём вотчинникам предстояло урегулировать свои наследственные интересы. Чтобы удовлетворить «имевшиеся на имении долги, ... личные займы и разного рода казённые недоимки, ... все родные единогласно заключили заложить имение в Банк и взятыми деньгами заплатить долги», что и было исполнено. При этом Евстафий «будучи отчинником третьей части имения, ... намерился приобрести... как третью часть от брата своего, бывшего тогда в военной службе, так равно и от замужней сестры, для чего сделал с ними договор». Сестра Станислава, – Маршалкова Минская, «за третью часть, какую имела в имении Лошице... в отчинное ея владение», удовлетворилась «отдачею фольварка Новый Двор», к которому было «докуплено 2 дома крестьян от Михаила Прушинского и один дом от Петра Кистера» [4, л.48].

Подпоручик Прот Феликс, проводивший в то время отпуск в родных краях, оценил причитающуюся ему часть в 6 тысяч рублей серебром и уступил её брату. Но сделка не была оформлена окончательно. Евстафий такой суммой тогда не располагал, поэтому заплатил брату проценты «от времени договора, то есть 1824 года, по 8 число марта 1832 года» (5% или 300 рублей за год). Отложив окончательный расчёт до 1832 года – до лучших, как они думали, времен, – братья расстались [4, л.40–50]. Однако события вскоре вырвались из-под контроля.

Уладив имущественные дела с родными, Евстафий Прушинский с 1825 года стал самостоятельным владельцем значительно сократившейся вотчины. Заботу о ней молодой помещик совмещал с государственной службой. Вначале его деятельность была связана с комитетом земских повинностей, а в 1825 году он начал службу в качестве заседателя 2-го Департамента Минского Главного суда. Рассматривал гражданские дела, поступавшие на апелляцию из нижестоящих судов о разделе имений, о возвращении долгов, установлении права собственности на недвижимость и т.д. Занятия подобного рода, вероятно, стали сферой реализации знаний, которые владелец Лошицы успел приобрести в университете. Способности и трудолюбие молодого юриста были оценены. Через год в возрасте 29 лет он возглавил 2-й Департамент, став его председателем.

Хотя служебные обязанности вынуждали Евстафия Прушинского жить в Минске, он, тем не менее, будучи тружеником от природы, много внимания уделял своему вотчинному владению. Имение под заботливой рукой серьёзного, ответственного хозяина, хотя и с трудом, но всё же постепенно крепло, высвобождалось от долгов. Карьера благополучно развивалась, и Евстафий задумался об устройстве личной жизни. Жених он был положительный и перспективный, и за невестой далеко ходить не пришлось. Ею стала Елена, старшая дочь уже известного нам Викентия Ивановича Гецевича, минского губернатора, а впоследствии сенатора и тайного советника, которая, между прочим, приходилась Евстафию троюродной сестрой. Она была внучкой генерала Станислава Прушинского, а они оба – правнуками почтенного Юзефа, бискупа мелитенского. По некоторым сведениям, Елена, выходя за Евстафия, вступала во второй брак; первым её мужем, по свидетельству потомков, был помещик Минского уезда Генрих Рейтан [5, с. 24].

Свадьба состоялась 10 июня 1829 года [6]. Но брак оказался несчастливым. Впрочем, наши сведения об их семейной жизни чрезвычайно скудны. Известно только, что супружеские отношения у них не сложились, детей не было, и жили они «в разлуке» [7, л.1об–4].

Тем временем Прот Феликс Прушинский, начавший службу в 1818 году канониром в артиллерии конной гвардии Королевства Польского, также неплохо продвигался по карьерной лестнице. Уже в 1819 году получил повышение: чин подхорунжего, а 12 апреля 1822 года – назначение на чин подпоручика. Служил добросовестно, старательно выполнял все предписания. Но здоровье стало подводить,

и 4 января 1829 года после четырёхмесячного отпуска, проведённого на водах в Германии, поручик Прушинский оставил службу «с позволением ношения мундира». Получив желанную отставку, Прот Феликс вернулся в родные края и провёл в родовом имении почти 2 года.

Восстанавливал здоровье, помогал брату разбираться с долгами и справляться с хозяйственными проблемами, которых было в избытке. Экономическое положение послевоенной Беларуси 1-й половины XIX века было тяжёлым. В Российской империи в это время шёл процесс разложения феодально-крепостнических отношений, всё активнее проявлялись новые капиталистические формы хозяйствования, а возрастающий спрос на хлеб в Западной Европе и увеличение объёма внутреннего рынка стимулировали рост товарности помещичьих хозяйств. Но на Беларуси земледелие – единственный источник богатства – находилось в первобытном состоянии.

Как сообщает М. В. Довнар-Запольский [8, с.301], урожаи были низкие – недоставало хороших семян, из-за нехватки скотины удобрения вносились очень ограниченно, крайне тяжёлое положение усугубляли неурожаи, с удручающей регулярностью поражавшие край. Непосильным ярмом для белорусских губерний были налоги, которые здесь собирались не ассигнациями, как на остальной территории России, а золотой и серебряной монетой, что было в 4–5 раз дороже. Слабо развитое, отсталое хозяйство не могло быть рентабельным для помещиков, а убогие крестьянские хозяйства и вовсе являли картину чудовищной нищеты. Несмотря на бесплатную рабочую силу, помещичье имение не давало достаточной прибыли.

Тем не менее жизнь в родовом гнезде действовала благотворно. Лошицкая усадьба с её тихой красотой, живой и чистой природой, неспешным бытом и избранным кругом друзей была особым интеллектуальным островком, с которым неразрывны чтение, музицирование, споры о политике, подпитываемые сожалениями об ушедшем и надеждами на перемены. И поляки, и шляхта Великого Княжества Литовского продолжали мечтать о государстве в границах 1772 года, крепко надеясь на помощь Европы. Национально-освободительные идеи находили живой отклик в различных слоях общества, а среди офицеров имели особенно широкую поддержку. И когда в июле 1830 года вспыхнула революция во Франции, всколыхнувшая всю Европу, польское общество пришло в состояние крайнего возбуждения. Движение охватило армейских офицеров, шляхту, студенчество, мещан.

Прот, пристально следивший за европейской политикой, морально был готов к выступлению. Polski Słownik Biograficzny [9, s. 570] сообщает, что после начала восстания Прот Прушинский вернулся в Королевство Польское и 30 июня 1831 года снова вступил в воинскую службу, получив чин капитана 2 ранга стрелков конных с назначением на должность полевого адъютанта верховного главнокомандующего. А уже 19 августа был произведён в майоры и назначен шефом штаба 1 корпуса генерала Яна Уминьского, являя «пример личной отваги и энергичных распоряжений». Участвовал в боях за Варшаву, и 9 сентября 1831 года был награждён Золотым Крестом *Virtuti Militari*, а 19 сентября получил чин подполковника. После разгрома восстания вместе с армией эмигрировал во Францию, правительство которой объявило о готовности принять всех повстанцев, обеспечив им такое же содержание, как у французских военных.

Отчизну покинули тысячи людей: офицеры и солдаты, члены Национального правительства и депутаты сейма. 9 тысяч человек жили на территории Франции. В Париже Прушинский будучи связан с группой высших военных депутатов сейма и гражданских чиновников, действовавших во время восстания в стране, стал одним из основателей образовавшегося 29 апреля 1832 года Польского литературного товарищества, объединившего эмиграцию. Основная цель Товарищества, которое возглавил Адам Чарторыйский, состояла в сохранении памяти о восстании. Начал собираться большой архив воспоминаний. Участниками этой работы были Адам Мицкевич, Игнатий Дамейко, Фридерик Шопен. С ними были связаны многие видные деятели культуры – Жорж Санд, Фелисите де Ламенне, Альфред де Виньи, Жильбер де Лафайет (который, к слову, горячо ратовал за выступление Франции на стороне восставших поляков) и другие. В конце 1830-х годов Мицкевич создал Польскую библиотеку в Париже, сосредоточив в ней все собранные документы, и в 1854 году учреждение получило свое окончательное название – Польское историко-литературное общество, которое ныне является ассоциацией польской культуры во Франции.

А Прот Прушинский в 1832 году по приглашению бельгийского короля Леопольда I поступил на службу в бельгийскую армию в чине подполковника-адъютанта главного штаба. В 1839 году он принимал участие в голландской кампании, имея уже в своем активе, кроме Золотого Креста *Virtuti Militari*, французский крест Почетного Легиона, а в 1843 году был отмечен крестом ордена Леопольда I. В 1845 году получил чин пол-

ковника с сохранением прежних обязанностей начальника штаба 1-й территориальной дивизии в Гандаве, которые исполнял до самой своей смерти. Умер после непродолжительной болезни 19 января 1849 года. Семьи Прот Прушинский не оставил.

Судьба Евстафия сложилась не столь романтично, хотя он прожил не менее достойную жизнь, занимаясь насущными проблемами вотчинного поместья, заботясь о своих подданных и в трудных политических условиях добросовестно исполняя многочисленные служебные обязанности.

После победы над поляками в ноябре 1831 года царское правительство приступило к репрессиям. Прежняя судебная система западного региона была ликвидирована, и карьера Евстафия оказалась под угрозой. Специально созданные ликвидационные комиссии определяли меру наказания мятежникам и в соответствии с категорией вины выносили приговор. Те, кто принимал активное участие в действиях против русских войск, считались государственными преступниками 1 и 2 разрядов. По отношению к ним применялись секвестр владений и конфискация имущества, высылка вглубь империи, отправка в действующую армию (то есть на Кавказ) или заключение в тюрьму. Конфискованные имения раздавались русским дворянам и чиновникам. В Минской губернии было конфисковано 22 имения [10, с. 288].

По решению Минской следственной комиссии от 7 декабря 1832 года конфискации подлежала и собственность Прота Феликса Прушинского, причисленного ко 2 разряду государственных преступников, ему грозило до 20 лет каторги. Но поскольку недвижимости у мятежного подполковника не имелось, взяли за Евстафия, который доказал свою лояльность, выплатив в казну 6000 рублей квоты с процентами, предназначавшиеся брату [4, л.2].

В порядке борьбы с преобладанием дворян польского происхождения власти старались в государственно-административные учреждения назначать преимущественно русских чиновников. Тем не менее, Евстафий Прушинский, несмотря на участие в мятеже младшего брата, в октябре 1832 года снова был избран местным дворянством на должность председателя уже преобразованного судебного органа – Минской палаты гражданского суда. «Высочайше утверждён в этой должности и оную исполнял по 1839 год», – сообщает его послужной список [7, л.1об–4].

Подавив восстание, правительство в лице Комитета Западных губерний, куда входили высшие сановники Петербурга, вплотную заня-

лось решением проблемы шляхетского сословия присоединённых земель – излишне беспокойного и многочисленного. Для чего 19 октября 1831 года был издан закон «О разборе шляхты в Западных губерниях и об упорядочении такого рода людей». Те, кто не смог подтвердить документально свою принадлежность к этому сословию, были лишены дворянского звания. Такая участь постигла свыше 10 тысяч шляхетских семейств.

Прушинские благополучно пережили эту унижительную процедуру в июле 1835 года, предоставив солидный пакет документов, который открывала «копия привилегии польского царя Сигизмунда» от 5 октября 1512 года, подтверждавшая пожалование, «учинённое Польскими Царями Казимиром отцом и Александром сыном... князю Константину Фёдоровичу Прушинскому» [11, л. 96–106]. После чего Евстафий был утверждён «в сем звании (дворянском – Н.Н.) Правительствующим Сенатом» и мог продолжать движение по карьерной лестнице. Тем более, что у начальства он был на хорошем счету, и 2 февраля 1834 года «Всемиловейше пожалован орденом Св. Станислава 3й степени».

Однако 18 ноября 1835 г. председатель Минской гражданской палаты Евстафий Прушинский подал прошение на высочайшее имя об увольнении от должности. Своё решение он объяснял расстроенным здоровьем и сложными обстоятельствами дел и просил о выдаче «аттестата и паспорта на свободное во всей Российской империи жительство», а ещё – позволения «носить присвоенный занимаемой мною должности мундир» [7, л.1–1об]. Просьба его была удовлетворена в феврале следующего года. Подробности нам неизвестны, но, вероятно, какое-то время спустя здоровье Евстафия поправилось (или «обстоятельства дел» уладились), и он вернулся на службу. По-видимому, его отсутствие было непродолжительным, так как в послужном списке не отразилось.

Зато послужной список сообщает, что 31 сентября 1838 года Евстафий Прушинский «награждён чином коллежского асессора со старшинством». Чин коллежского асессора (или заседателя, облечённого судебной властью) соответствовал 8 классу петровской Табели о рангах и ценился очень высоко; чтобы достичь его, требовался университетский диплом. Получение чина давало право назначения на определенный круг должностей, а дальнейшее присвоение чинов и почетных званий оформлялось приказами царя. С системой чинов согласовывался и порядок награждения орденами. Но об этом речь впереди.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Всемилоствейший Манифест от 30 августа 1814 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2458238/post371829255/>. (дата обращения 10.09.2021 г.)
2. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 319, оп. 2, д. 262.
3. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 179, оп. 1, д. 60.
4. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 54, оп. 1, д. 7.
5. Гецевич, А. К., Гецевич, Т. Гецевичи: сквозь призму веков: моногр. Гродно: ООО «ЮрСаПринт», 2018.
6. «Псевдо-князя» Прошинские (Прушинские) герба «Lubicz»: история, легенды и генеалогия рода. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/44521359/>. (дата обращения 04.09.2021).
7. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 299, оп. 1, д. 2573.
8. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Мінск: БелЭн, 1994.
9. Polski słownik biograficzny. T. XXVIII/3. Zeszyt 118. Warszawa, 1985. –764 s.
10. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. М. П. Касцюк, У. Ф.Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. Мінск: Беларусь, 1994.
11. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 319, оп. 2, д. 2617.